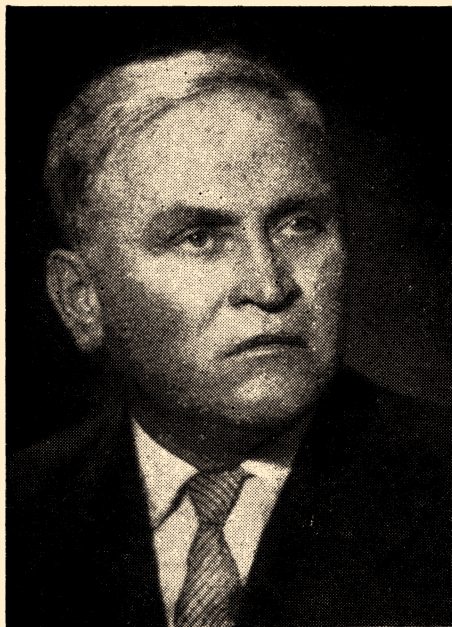

БИБЛИОТЕКА

№ 19

1964

Павел КУСТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

СЕРДЕЧНЫЙ РАЗГОВОР

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 19

Павел КУСТОВ

СЕРДЕЧНЫЙ РАЗГОВОР

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1964

Павел КУСТОВ

Павел Петрович Кустов родился в 1906 году в крестьянской семье в селе Завальном, Воронежской губернии (ныне Липецкая область).

Писать и печатать стихи начал рано — с 12 лет, еще в годы гражданской войны. Был активным селькором газет. В 1924 году вступил в комсомол.

С 1927 по 1930 год учился в Московском университете на литературном факультете. Печатался в «Комсомольской правде», в журналах «Красная нива», «Октябрь», «Прожектор», «Комсомолия». Первая книга стихов, «Налив», вышла в Москве в 1930 году в издательстве «Молодая гвардия».

После университета жил и работал на Севере. Стихи этого времени печатались в «Новом мире», «Звезде», «Огоньке», в дальнейшем — в «Неве» и «Москве».

В послевоенные годы вышли книги П. Кустова: «Северовосток» («Советский писатель», 1948), «На просторах Родины» (Вологодское областное издательство, 1951), «У нас на Севере» («Советский писатель», 1954), «Избранные стихотворения» (Гослитиздат, 1956), «Сердечный разговор» («Советский писатель», 1957), «За рекой Шексной» («Советский писатель», 1960), «Беломорье» («Советский писатель», 1963).

Павел Петрович Кустов

СЕРДЕЧНЫЙ РАЗГОВОР

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 00392. Подписано к печати 15/V 1964 г. Тираж 102 000. Изд. № 955.

Зак. 990. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47. ул. «Правды», 24.

БЕЛОЕ МОРЕ

Тепел ветер, надо мною веющий.
Замираю на корме челна.
Кажется, из стали нержавеющей
Выкована звонкая волна.

Нестерпимым блеском ослепленному,
Не на что мне легкий парус вздеть.
Я гляжу на море, как влюбленному
В пору бы на девушку глядеть.

Словно крылья, весла деревянные.
В гулком небе всплеск утиных стай.
О моя земля обетованная,
Беломорье — расчудесный край!

Не водил я карбас за навагою.
Грузных нерп не поддевал на крюк.
Но какою силой и отвагою
Сердце мне ты напоило вдруг!

Будто я не за цветными шторами
Зоревал с тетрадкой в руках,
А полсвета с сумскими поморами
Исходил на ёлах и шнеках.

Так продлись, чудесное мгновение,
Дай челну и крепость и разбег,
Чтоб моряны легкой дуновение
Над собой я чувствовал весь век!

1960.

С родной стихией в вечном споре,
Не раз под дикий вой и гул
Я замерзал в открытом море
И у крутой скалы тонул.

Но как-то так всегда бывало,
Что, подоспев издалека,
Беднягу вовремя спасала
Помора крепкая рука.

Я был порой совсем как мертвый,
По часу глаз не открывал,
Но, спиртом досуха растертый,
Опять хрипел и оживал.

Под мирной кровлею тоскуя,
Я ненавидел тишину.
Меня тянуло в даль морскую,
Как загулявшего — к вину.

И, на ветру бровей не хмуря,
Несясь на скальный островок,
Я верил, что и в эту бурю
Опять всплыву, как поплавок.

Встань на корму со мной кто-либо
И лишь пошевели перстом —
Не зверь морской, так с центнер рыба
Ударит в палубу хвостом!

1960.

Секут дожди, и под окошком ива
По-вдовьи пригорюнилась, тонка.
И у хозяйки на сердце тоскливо:
В Атлантику отправили сынка!

Цветы в тот день на палубу летели,
И долго надрывался хор гудков,
Когда на новом судне от артели
Уехали шестнадцать молодцов.

Но женщины, толкуя меж собою,
Не очень-то спокойны за ребят:
Ведь пух еще над верхнею губою
Они нетерпеливо теребят!

На людях громогласно не рыдая,
Всю боль переживает мать одна.
Но часто к ней соседка молодая
Стучится в створ угрюмого окна.

И вот сидят две женщины-рыбачки.
Их мысль уносит к дальним берегам.
И кот, совсем расплывшийся от спячки,
Поочередно жметя к их ногам.

1960.

* * *

У рыбака к стихии милой
Любовь прсчна и глубока.
Но и земля имеет силу
Над крепким сердцем рыбака.

И, сеть послав на дно морское,
К родной земле, что хлеб родит,
Пропахший солью и трескою,
Он часто мысленно летит.

Хлеб или рыба — что нужнее?
Томятся многие. Но вот
Вдруг ветер с берега повеет
И в поле властно позовет.

И как бы море ни серчало
И ни сулило чудеса,
Подчас у рыбного причала
Пустеют разом карбаса.

Прибрежный камень лижут воды,
Ржавеют лапы якорей.
Зато довольны полеводы:
Теперь отсеемся скорей!
1961.

* * *

Амбар старинный,
времен Петра!
Там шум и гомон
стоят с утра.

Складского бога
бросает в пот:
Уходит в море
за ботом бот.

Им снасть такую
подай без слов,
Чтоб не был скуден
дневной улов.

Кто просит невод,
кому мерёж...

Дождем омытый,
денек хорош!

Уже в изломы
прибрежных круч
Вонзает солнце
багровый луч.
И режет воздух,
упрям и дик,
Голодных чаек
надрывный крик.

Рыбацким звеньям
сегодня честь!
Спеши, кто может,
в их боты сесть!

А если дряхлым
сочтут они,
Сиди в амбаре
да снасть чини.

Стучат моторы.
Гремит волна.
Душа помора
тоски полна.

На крепком теле зажили рубцы.
Уходят в ночь кресты и голубцы,
Всплеснувши деревянными руками.
Я излечился от тяжелых ран
В краю гостеприимных северян,
Где сосны корабельные да камень.

Кто скажет о поморах, что они
Слынут за нелюдимов искони,
Что очерствело сердце их,—не верьте!
Радуще, словно золото, храня,
Они, как сына, приняли меня
И чуть живого вырвали у смерти.

О, как я полюбил их разговор,
Глаза, в которых синева озер,
Пожатъя рук, исполненные ласки!
Какой ни приносили мне еды!
В окно бросали девушки цветы,
И старики рассказывали сказки.

И вот — как будто не был я в бою —
Пляшу на посиделках и пою,
И костыли давно в печи сгорели.
На кухне, громяхая до зари,
Мне в путь хозяйка сушит сухари
И ставит латку¹ жареной форели.

Куда я собираюсь в ясный день
От моря и рыбацких деревень,
От горницы и ласковой хозяйки?
Здесь все теперь родное для меня,
И я отдам все трели соловья
За крик осенней чайки!

А та, что мне подругою была,
Что молча у крыльца меня ждала
И ягоды носила мне всех чаще?..
Как холодом со взморья понесло!
С утра скрипит в уключине весло,
И кланяются сосны уходящим.

---

¹ Глиняная миска.

Сними же с плеч дорожные ремни,
Письмо свое прощальное сомни,
Открой соседям настежь дверь светелки.
И пусть стаканы сдвинут рыбаки
За тех, кто остается в их поселке!

1946.

* * *

Опять замерзло море Белое.
Надуло снежные холмы.
И вот на санках зиму целую
Спокойно разъезжаем мы.

Укрывшись шубою овчинною,
С душистым сеном в передке,
Смешно подумать: над пучиною
Летишь с присвистом на Гнедке.

Сидишь в тулупе, словно в коробе,
Ничто не ноет, не болит.
А рядом пар из синей проруби,
Как из печурки дым, валит.

Гнедко оброс седою шерсткою.
Кругом ни улиц, ни дворов...
Чем не завидна жизнь поморская?
Ты сыт, и весел, и здоров.

Ты государство кормишь рыбкою.
Ты в круг посажен на гульбе.
И кажется, что конь с улыбкою
Твоей внимает похвальбе.

1961.

ПОИМКА БЕЛУГИ

Туда, где, вознесен волной упругой,
Уткнулся в берег носом мотобот,
Взглянуть на трехметровую белугу
Собирается со всех сторон народ.

Вот это море! Поднесет порою
Такой подарок — ахай и тyani!
Стоят поодаль рыбаки-герои,
Как будто здесь и ни при чем они.

А рыба устрашающего веса
Еще поводит жабрами, пока
Не вторгнется холодное железо
В ее позеленевшие бока.

Но сушат председателя заботы.
Ему опять мерещатся пуды.
И пляшут у стоянок мотоботы,
Как будто захмелевшие с воды.

Ловцу не привыкать к волне и стуже.
Он пенный след оставит за собой,
Когда пред ним коса, как хвост белужий,
Покажется из бездны голубой!

1948.

ПОМОРКИ

Ряды мужские поредели,
И в поселеньях рыбаков
Все, все находятся при деле —
От октябрат до стариков.

На пристанях и перевозах,
У троп, ныряющих в леса,
Порою оглашают воздух
Одних мальчишек голоса.

Но здесь и женщин полом слабым
Едва ль кто нынче назовет.
В Поморье девушкам и бабам
Везде вниманье и почет.

Дивясь всему не без причины,
Я не однажды видел тут,
Как уважительно мужчины
Себя с подругами ведут.

О эти смелые поморки!
Они в путинную страду
И на челне и на моторке
В одном с мужчинами ряду.

И, подсчитав трески излишки,
Подчас, бородачу назло,
Им счетоводы ставят в книжки
Четырехзначное число.

О героини, кто вы, кто вы?
И вздох доходит до ушей:
«А мы всё больше вдовы, вдовы,
Лет по пятнадцать без мужей!

Забыв о счастье скоротечном,
Живем, как вдовы все живут,
Неразделенный пыл сердечный
В нелегкий вкладывая труд».

1961.

* * *

Ручей по звонким перекатам
Уносит рыбы пузыри.
Кипит уха в котле щербатом
При свете северной зари.

Локтями опершись о камень,
Воды глотнувши из ведра,
Готов сидеть я с рыбаками,
Не шелохнувшись, до утра.

Какой у моря грозный норов!
А впрочем, что нам всем волна?
О эти рассказы поморов,
Без них и книжка не полна!

Я крепко верю в их основу.
Здесь, как с обжига кирпичи,
Легко и споро слово к слову
Кладут рассказчики в ночи.

Они плотны и бородаты.
И, позабыв про сон и снесь,
Мне также хочется куда-то
Под белым парусом лететь.

1960.

* * *

Земляки мои — вологжане —
Всем, кто станет их сердцу люб,
Запрягут и кобылку в сани
И овчинный дадут тулуп.

«Ну-ка,— скажет хозяин,— трогай!»
И, забыв обо всем, летишь
По мощенным снежком дорогам,
Будоража лесную тишь.

По бокам ни камней, ни кочек,
Все упрятано в рыхлый снег.
Старый заяц спросонья вскочит,
Легких санок заслышав бег.

Иней с веток стряхнут синицы.
А дорога лежит, пряма.
Разве можно тут заблудиться?
Лошадь вас привезет сама

В то затерянное селенье,
Где красивых не счесть невест,
Где до вашего появления
Всем известно про ваш приезд.

1957.

РЕЗЬБОЙ УКРАШЕН ДОМ

На красном дереве не так видна резьба,
И где возьмешь его в краю заиндевелом!
Вот у меня украшена изба
Простой сосною да березкой белой.

Я мастер на все руки, говорят,
Уж потрудился в годы молодые.
Коньки да петушки так и горят
Под солнцем озорным, как золотые.

Особенной манерой с давних пор
Прославились мы по стране широкой.
Нам дорог синий неподвижный бор
И журавли над сонною дорогой.

Пойди под осень к светлому руслу
И сядь на пень у кровяной брусники.
Там лодка зарастает, и к веслу
Сбегаются обманчивые блики.

Мы брали там подсохшие стволы,
Медовый клей на щепочках варили
И, желтые от стружек и смолы,
Узоры знаменитые творили.

Столяр я иль поэт — не знаю сам,
Учился под ветелкой загуменной.
Моя изба к прозрачным небесам
Свой обращает лик недоуменный.

За мастерство, глядящее с ворот,
За каждый новый завиток на раме
Тебя полюбит северный народ
И гуслиры прославят вечерами.

Но я собою недоволен вновь
И с гордым сердцем затеваю ссору.
Когда соседи пели про любовь,
Я новые обдумывал узоры.

Нет, говорил печально я себе,
Коньки твои — пустые побрякушки.
Ведь ни за что не выразить в резьбе
Лесного волхвования кукушки.

Ведь как там ни искусны завитки,
Тепло живое не пройдет под ними.
А мир встает из-под твоей руки
И только дразнит красками своими.

И что с резцом мне делать по весне,
Когда апрель садится на перила,
Чтобы ручки откликнулись в сосне
И дерево само заговорило?..

1937.

* * *

Я побывал в краю, где не был,
Наверное, с десяток лет.
Все то же сумрачное небо,
Все тот же блекло-ржавый цвет

На всем:

на перелесках голых,
На сенокосах и полях,
На старых, с виду невеселых
Уездных бывших городках.

О, как поверхностно мы судим
О них с дистанции большой!
Я присмотрелся к здешним людям
И потянулся к ним душой.

Не все, конечно, здесь герои —
Ведь мы сейчас не на войне.
Не на виду прожить порою
Труднее, может быть, вдвойне.

Зато тепла немало в сердце
Ты увезешь к себе домой
От устюжан и белозерцев,
Из дальней Вытегры самой.

Всегда их круг застольный тесен.
В беде надежна их рука...
Как мало все ж поэм и песен
О них написано пока!

О красоте их долгих буден,
Об их печалях и о том,
Как утепляют эти люди
Наш всесоюзный общий дом!

1958.

РОДНИКИ

От известных центров в отдаленье,
У истоков северной реки,
Есть одно старинное селенье
С красочным названьем — Родники.

А за тем селеньем есть пригорок,
На котором родники найдешь.
Сколько их всего там — двадцать, сорок?
Может, еще больше? Не сочтешь.

Потому что не проходит года,
Чтобы с этих обомшелых круч,
Светлую разбрызгивая воду,
Не забил однажды новый ключ.

Хорошо у каменистой груди
Зачерпнуть живой воды глоток
И надолго унести отсюда
Родника бодрящий холодок!

Знать, недаром столько певчей птицы
На ключи слетается с утра:
Голос чище от такой водицы,
Будто станет он из серебра.

И когда хористы в клубном зале
Целый вечер петь не устают,
Я шепчу соседям: «Вы не знали?
Да ведь это ж Родники поют!»

1959.

В ПУШНОМ ПАВИЛЬОНЕ

Мне эти шкурки не дают покоя,
Так и манят: а ну, еще взгляни!
А может быть, в тайге твоей рукою
Настреляны когда-нибудь они?

Плохой промысловик, я все же знаю,
С чем выходить на белку и лису.
Опять в воображенье — глушь лесная,
Где ты стоишь с берданкой на весу.

Как из-под шапки ласково смотрела
И замедляла ты свои шаги,
Когда я в пору зимнего отстрела
Шел за тобой все дальше в глубь тайги!

Я не бежал по следу сиводушки
И дробь на сковородке не катал.
В рассветный час в какой-нибудь избушке
К твоим губам я жадно припадал.

Я помню, как покорно ты вздыхала,
Глядела виновато каждый раз.
Потом, схватив берданку, убегала
И была в цель, прищурив левый глаз.

Кто мне теперь расскажет: с кем и где ты?
В каких таких далеких поясах?
А может быть, опять весну и лето
Прокоротала где-нибудь в лесах?

Полна избушка лисьих шкур и пищи.
Надежный кров спасает от дождя.
И только всё глаза кого-то ищут
И меркнут, никого не находя.

1955.

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

В корнях жар,
И в сучьях жар,
И красный жар
Во мху курчавом...
Тревожно слушал темный яр,
Как с тихим треском шел пожар
По этим соснам величавым.
Был сух ручей и смят обрыв,
Волчата проползли кустами,
И в черный плес ушли бобры,
Играя медными хвостами.
Срывались белки на бегу,
Прогорклый дым глотали птицы.
Медведи прятались в кугу,
И бились рыжие лисицы,
Как в заколдованном кругу.

И, не дослушав птичий гам
И на пожар взглянуть не смея,
Спешили к топким берегам
Ужи, и ящерки, и змеи.
А между тем огонь вперед
Катился красною лавиной.
И страшен был его приход
Для каждой крохотной травинки.
Он то кружился, то плясал,
Чтоб жарче приходилось дичи.

И спешно рапорты писал
Своим начальникам лесничий.

1928.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЛК

Пуškai патрон лежит в обойме,
Стрелок, ступай себе домой!
Последний волк в Приокской пойме
Убит минувшею зимой.

Он, больше ужаса не сея,
Приняв благопристойный вид,
В холодном сумраке музея
Пронафталиненный стоит.

Доярки шепчут: «Вот он, идол,
Печально памятный скоту!..»
Глазам стеклянным кто-то придал
Чуть не овечью доброту.

Избавлен скотный двор от бедствий,
Хоть детплощадки строй в лесах.
С матерым вожаком в соседстве
И олененок и русак.

И мы заводим разговоры:
Мол, хорошо б однажды днём
Всех, кто имеет волчий норы,
Увидеть с биркой за стеклом!

Пускай их дышат нафталином!
А нам, травы вминая шелк,
Бродить по взлобкам и долинам,
Не зная, что такое волк!

1963.

* * *

Мне по душе степные села,
Где пусто среди бела дня.
И весь их облик невеселый
Поныне трогает меня.

Не обездолены, не нищи —
Крепки дома, и тучен скот,
Здесь полотна, овчин и пищи
Не на один, быть может, год.

И все ж степная грусть извечна,
Как ни привольно здесь житье.
По вечерам сверчок запечный
Напоминает про нее.

Она и близких и неблизких
На спевках сводит, как родню.
Летит с напевом трактористки
Навстречу ведреному дню.

С чего в степи так грустно людям,
Где шелестит трава, как жечь?
Но дознаваться мы не будем,
А примем все таким, как есть.

Грустите, ежели грустится,
Пока кизячный вьется дым.
А хлеб-то все-таки родится,
И этот хлеб мы все едим.

Отцы и деды наши пели,
Как ни томила их страда,
И композиторы доселе
Идут за песнями сюда.

1959.

Рдеют тучи, схожие с буграми,
То покрывшись пеплом, то горя.
Над Медвенкой, Фатежем, Щиграми
Зацвела осенняя заря.

Красками густыми небогаты,
Да еще в степном глухом краю,
Почему-то курские закаты
С детства душу трогают мою.

Ничего такого, что бы броско
Опалило ширь полей и лес.
Узенькая желтая полоска
На бескрайнем сумраке небес.

И вдали, поджав, как цапля, ногу,
Видя все одни и те же сны,
Старая ветелка одиноко
Горбится на фоне желтизны.

Резкий ветер рвет с тебя одежду.
Но пейзаж неяркий станет мил,
Будто в край мечтаний и надежды
Кто-то вдруг окошко приоткрыл.

1961.

Волнует сердце пенье птичье,
От смол пьянеешь без вина.
Лесная сказка, в чьем обличье
Ты в наши дни воплощена?

Войдешь ли дочкой лесниковой
И заиграешь за рекой,
Печальной дудкой тростниковой
Смущая чей-нибудь покой?

Или, загар прикрыв кофтенкой,
Не очень-то в бору смела,
Голубоглазую девчонкой
Придешь из дальнего села?

Иль бледнолицей горожанкой
Устало свалишься в траву,
А я за речкой Таволжанкой
Услышу девичье «Ау!»?

Я воспаленными губами
Коснусь обветренной щеки.
Корзинка старая с грибами
Сползет с опущенной руки.

В душе как не бывало тягот,
Лежи безмолвный на траве.
И только сок от красных ягод
Останется на рукаве.

1959.

* * *

Грибом и клюквой нынче славен
Приселигерский тот борок,
Где домик с окнами без ставен
Зовет пришельца на порог.

Обычный дом, совсем не терем,
Он в землю врос, замшелый весь.
Но мы, как в детстве, свято верим,
Что счастье ждет нас только здесь.

В нем не найдешь ни яств, ни клада.
Но нас манит издалека
Осенних сумерек прохлада
И скрип домашнего сверчка.

Ты рад с дороги кровле всякой.
И думаешь, толкая дверь:
Наверно, где-нибудь с собакой
Хозяин шастает теперь!

Как хорошо попить из жбана
Кваску иль хоть простой воды
И у сеней найти нежданно
Хозяйской дочери следы!

Куда ушла она, не знаешь,
Дика девчонка и вольна.
Но только станет глушь лесная
Вдруг тайной прелести полна.

И ты бежишь по тропкам мглистым,
Меж стен куги и камыша,
То песней громкою, то свистом
Восторг свой выразить спеша.

1963.

* * *

Прост в еде он, крепко спит ночами.
На работе спор и деловит.
Две войны имеет за плечами,
А гляди, как молод он на вид.

Средством, знать, каким-нибудь владея,
Что стирает прожитого след,
Мой герой цветет и молодеет,
Дожив до пятидесяти лет.

Трактористка не одна, я знаю,
В бригадира тайно влюблена.
Только все краснеют да вздыхают:
— Грех, девчонки, у него жена!

Та, что в бой солдата снаряжала.
Дома в нем не чаяла души.
И детей таких ему рожала —
Прямо хоть картину с них пиши.

Пропадая в поле дни и ночи,
С девушками строгость он блюдет.
Различает, как графолог почерк,
Борозду, что каждая ведет.

Растирая ком земли в ладонях,
Смотрит он, то ласков, то сердит...
Мчатся девки на железных конях,
Аж округа стонет и гудит.

Им, двадцатилетним, страх неведом.
Где-то стан курится, недалек.
И земля почти за ними следом
Выгоняет к солнцу стебелек.

1958.

ПОДВИГ

Идя вперед единым строем,
С надежным тылом за спиной,
Не так уж трудно быть героем —
Мне подвиг вспомнился иной.

Мне села вспомнились степные
Той черноземной полосы,
Где по ночам гремят цепные,
Чуть не с теленка ростом, псы.

Где за учителем ликбеза,
Куда бы он ни проходил,
Неумолимый глаз обреза
Порою позднюю следил.

Но и в глуши не увядая,
Там, на окраине села,
Одна избачка молодая
В двадцатом, памятном, жила.

Рычат, бывало, вражьи глотки,
Мол, скоро вам конец придет,
Когда она одна на сходке
О продразверстке спор ведет.

В России голод третье лето,
А здесь полным-полно зерна...
Еще партийного билета
Не удостоилась она.

А спрос такой же, все едино,
Сродни партиям избачи,
И верно, пуля та же в спину
Им уготована в ночи.

Фитиль погас. Одна на печке,
Где у хозяйки сохнет лук.
И гулко тукает сердечко,
И ухо ловит каждый стук.

Уже на сходе словом веским
Развенчан тот, кто был в чести.
Да вот самой девчонке не с кем
В беседах душу отвести...

Уходит в небыль все худое.
Не на плакатах солнце зрим.
И вот мы с женщиной седою
На дальней станции сидим.

Она про подвиг свой — ни слова.
Зато как взор ее горит,
Когда о поколение новом
Она с тобой заговорит!

Тут все герои дел похвальных.
А ей-то вот и невдомек,
Как той степной избы-читальни
Был героичен огонек,

1961.

* * *

На старом воронежском рынке,
Где птицы меж стоек снуют,
Расставив горшочки и кринки,
Молочницы строем встают.

Сметану, и масло коровье,
И творог выносят они.
И пышут завидным здоровьем
Молочницы те искони.

Гремя котелком или кружкой,
И я там когда-то бывал.

Пайкового хлеба горбушку
Густым молоком запивал.

Любили поважничать все мы.
И девушки, издалека
Завидя зеленые шлемы,
Кричали: «Кому молока?»

А мы подходили толпою,
Не склонные с ними шутить.
И первый пушок над губою
Пытались на пальце крутить...

Все, все, что случалось на рынке,
Я свято в душе берегу,
Очей молодой украинки
Доселе забыть не могу.

Не там ли услышал я рано,
По виду и зелен и мал,
Чудесное слово «коханий»,
Которого прежде не знал?

Дрожал голосок ее звонкий,
Когда, свой товар не ценя,
Досыта холодной топленькой
Дивчина поила меня.

И, кружку отставив со вздохом,
Шептал я: «Потом заплачу!»
А руки мои ненароком
К ее прикасались плечу.

Но то было грозное время...
Одна — и любовь и родня,
Держась за холодное стремя,
Она провожала меня.

Я ехал в каком-то угаре,
Кричал на коня: «Не балуй!»
И долго в походах у парня
Горел на губах поцелуй.

1957.

ВОСЕМЬ ДЕВОК

У соседа в доме восемь девок,
Восемь вечно ненасытных ртов.
И один на всю семью обсевок —
Малолетний сын пяти годов.

Манька, Дунька, Мотька да Аниска..
Мать при населении таком
Еле успевает ставить миски —
Вылижут до донца языком.

Волком выл отец от этой жизни,
Влезть в петлю не раз бедняк хотел.
Две души имел он при царизме,
А велик ли на душу надел?

...Он теперь ходил в рубаше новой,
Говоря: «Пожаловаться грех!
Из именья выдали корову
И земли нарезали на всех».

И соседи сразу разглядели,
Будто не из здешних были мест:
Девки-то красивы, в самом деле,
Вон их сколько под боком, невест!

1957.

ХУДОЖНИК

Обходя золотые иконы,
Где лампадки тускло светили,
Он с усердием бил поклоны,
Наш сельский художник Василий.
Чтоб господь укрепил его руку,
Просветил и возвысил разум.
Чтоб на пользу пошла наука,
Коей славились богомазы.
С Васькой были мы однолетки.
Длинный-длинный, худой и рыжий,
Проживал он в избушке ветхой,
Я — в дому под железной крышей.
Мой отец — бородатый мельник —
Часто бил меня смертным боем:
— Что ты шляешься с ним, бездельник,
С этой рваною голытьбою?

Он не знал, что в избе у Васьки,
Где мы молча сидели оба,
За доскою в мелу и краске
Открывался нам мир особый.
В небеса ангелки взмывали,
Оседлав облака крутые.
Зверю лютому подавали
Хлеб угодники да святые.
Божья мать с лицом соседки
Грудью тыкала в рот младенцу.
И свисали над нею ветки,
Словно вышитые полотенца.
Это всё для иконостаса
В церковь сельскую мы носили.
Поп-пропойца охрипшим басом
Говорил: — Молодец, Василий!
Он давал на двоих полтину,
В изумленье немом глаза
На иконы да на картины,
Что потом я видал в музее...
Васька умер, не долго прожив:
Все у них слабогруды были.
Пели певчие «Святой боже»,
Когда мы его хоронили.
День был ясным. Светились дали.
Вкусно пахло кадильным дымом.
Над кладбищем грачи летали,
Будто Васькины херувимы.
Я расстался с отцовским кровом,
Взяв пожитки и хлопнув дверью...
Кем он был бы, мой друг, Рублевым?
Или в новой писал манере?
Или сиднем сидел бы в хате
И дожил до волос седых,
Бесполезно свой дар растратив
На архангелов и святых?
Так был сгублен талант великий.
Лишь в музее между колонок
Тонкой Васькиной кисти лики,
Как живые, глядят с иконок.
Все в них сельское, все земное.
И хоть краски давно засохли,
Я их помню: они со мною
Лес рубили да в поле мокли.
1957.

КОНЬ

Я неоглядным полем еду,
Где закустились зеленыя.
Рысак колхозный, не «Победа»,
Несет играючи меня.

Да разве с чем-нибудь сравнимо
То ощущение езды,
Когда сплошною лентой мимо
Летят канавки и кусты?

Надвинув шапку в беге скором,
Доволен я своим конем:
Не газ в извилинах мотора,
А кровь живая ходит в нем!

Тележка легкая — что надо,
Седок и конь как бы плывут.
Меня за это ретроградом
Иные, может, назовут.

Пускай зовут, а я уверен,
Что даже через много лет
Не будет на земле затерян
С печаткой схожий конский след.

Все так же будем ухом жадным
Ловить отрадный сердцу гром,
Когда под топотом лошадным
Зеленый дрогнет ипподром.

И над машиной беспородной,
В просторы сельские маня,
Взметнется профиль благородный
Раскрепощенного коня.

1962.

ПОДСОЛНУХ

Катит рожь сизоватые волны.
Дождик жадную землю пойт.
Как пловец одинокий, подсолнух
У проезжей дороги стоит.

Смотрит в даль полевою беззвучно...
Было первое время ему
Страшновато немного и скучно,
А потом он привык ко всему.

Корни глубже пуская в каменья,
Дружбу вел только с солнцем одним.
Золотое завел оперенье,
Но потом распростился и с ним.

И уже никуда не хотелось
Уходить от проселков и нив.
Вот она, наступившая зрелость,
В шапку втиснутых зерен налив!

И умрет он, но вместе со всеми,
Так земле и поклонится вдруг.
Лишь бы только созревшее семя
Человечьих не минуло рук.

1955.

ВЕТРЯНКИ

Дрожит крыло из новой драпки,
Под ветерком шумит трава.
Люблю я сельские ветрянки,
Где небольшие жернова.

Где, постаревший на покое,
Всего выдавший на веку,
Скучает мельник и рукою
Сухую пробует муку.

День целый сам с собой толкуя,
Он в сизом плавает дыму.
И только голуби, воркуя,
Садятся под ноги к нему.

Да я, блуждая вдоль околиц,
Где травы начали косить,
Зайду к нему не как помолец,
А просто спичку попросить.

Он еле-еле скажет: «Здравствуй!»
И после остается нем,
Когда с горсти я, словно яства,
Муку рассыпчатую ем.

Горячий жернов проситковки.
Но скоро ли дойдет рука,
Когда в мешки без останковки
Течет пшеничная мука!

1955.

ДВЕ ЗВЕЗДЫ

Гремят бидонов мятые жестянки.
Телячий рев звучит как похвала.
И вот простой воронежской крестьянке
Воздвигнут бюст на площади села.

Не зазнаются женщины такие.
Но мы уже, входя привычно в дом,
Ее не Дусей и не Евдокией,
А Евдокией Павловной зовем.

Как будто белизне ее халата
Две звездочки сумели блеск придать.
И только несмышлениши-телята
Хозяйку не стесняются бодать.

Спеша на ферму до восхода солнца,
Когда ей ветер плечи холодит,
На женщину из потемневшей бронзы
Она сама с почтением глядит.

Да разве это ты, Баскова Дуська?..
Рабочий день на ферме настает.
Она кричит телятам: «Тпруська, тпруська!»
И пальцы в рот им, глупеньким, сует.

У трудолюба дел — гора горою.
Как заводная, вертится, точь-в-точь,
Пока к ее двум звездочкам Героя
Своих сто тысяч не прибавит ночь.

1963.

ПИОНЕРСКИЙ ТЕАТР

Гремит по ухабам трехтонка.
Леса вдоль дороги встают.
Заливисто, молодо, звонко
На ней пионеры поют.

Вокруг зеленеют отавы —
Бери за укосом укос.
«Ребята,— кричу я,— куда вы?»
«А мы,— отвечают,— в колхоз!»

В углу — бороденка из пакли,
И платья из марли, и грим.
А что б со стишком для спектакля
И мне здесь пристроиться к ним?

На шаткую сельскую сцену
Я вышел бы, полон стихов.
А ночью зарылся бы в сено
И спал до вторых петухов.

«Остаться! Остаться! Остаться!» —
Рессоры согласно скрипят.
Я чувствую: мне не расстаться
С бродячим театром ребят.

И, веря в искусство святое,
Еще не на сцене пока,
Смешно я трясую бородю,
Готовый на роль старика.

1962.

* * *

И голодали, и без дров сидели,
И дети не видали молока,
И многие до срока посидели,
Когда им не было и сорока.

Не вдруг вселились в новые хоромы
И сели у обильного стола.
Нам долго-долго хрусткая солома
И ложем и укрытием была.

Но, потом исходя зимой и летом,
Мы крепко в землю жесткую вросли.
Не только ходим сыты и одеты,
А впрок еще немало припасли.

И все ж, за ситным сидя караваем,
В просторном и натопленном дому,
Романтикой то время называем,
Когда нам было трудно. Почему?

Иным ли стало все на расстоянье
Для опаленных знойным ветром глаз?
Иль юности тревожной обаянье
Чем дальше, тем отраднее для нас?

Но, вспоминая давние походы
И мирных дней нелегкие дела,
Мы говорим: «Вот это были годы,
Вот это жизнь действительно была!»
1959.

БЕЛОРУССКИЕ УЗОРЫ

Леса, да речки, да озера.
Я разобрался только тут,
Откуда вышивок узоры
Все рукодельницы берут.

Твори в любое время года,
Коли рука не устает.
А тему тут сама природа,
Сама действительность дает.

И на простой скатерке даже,
На рушнике, что я держу,
Я белорусского пейзажа
Знакомый облик нахожу.

Коль зорок глаз у мастерицы,
А сердце чувствует весну,
Тут невозможно ошибиться,
Утратить в темах новизну.

На полотно и на бумагу
Узор чудесный нанесен.
И государственному флагу
Своеобразие придал он.
1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Белое море	3
«С родной стихией в вечном споре...»	4
«Секут дожди, и под окошком ива...»	4
«У рыбака к стихии милой...»	5
«Амбар старинный...»	6
Праздник	7
«На крепком теле зажили рубцы...»	8
«Опять замерзло море Белое...»	9
Поимка белуги	9
Поморки	10
«Ручей по звонким перекатам...»	11
«Земляки мои — вологжане...»	12
Резьбой украшен дом	12
«Я побывал в краю, где не был...»	14
Родники	15
В пушном павильоне	15
Лесной пожар	16
Последний волк	17
«Мне по душе степные села...»	18
«Рдеют тучи, схожие с буграми...»	19
«Волнует сердце пенье птичье...»	19
«Грибом и клюквой нынче славен...»	20
«Прост в еде он, крепко спит ночами...»	21
Подвиг	22
«На старом воронежском рынке...»	23
Восемь девок	25
Художник	25
Конь	27
Подсолнух	27
Ветрянки	28
Две звезды	29
Пионерский театр	30
«И голодали, и без дров сидели...»	30
Белорусские узоры	31

**ЗАКЛЮЧАЕТ
ДОГОВОРЫ
ЛИЧНОГО
СТРАХОВАНИЯ
НА РАЗЛИЧНЫЕ
СРОКИ
И СТРАХОВЫЕ
СУММЫ**

Госстрах

● **ДОГОВОРЫ СТРАХОВАНИЯ** от несчастных случаев заключаются с гражданами в возрасте от 16 до 70 лет сроком от 1 года до 5 лет.

● **СТРАХОВАЯ СУММА** выплачивается только за последствия несчастного случая при постоянной (полной или частичной) утрате застрахованным общей трудоспособности.

● **ВЫПЛАТА СТРАХОВОЙ СУММЫ** по договорам личного страхования производится самому застрахованному или лицу, которому застрахованный завещал получение этой суммы.

● **СТРАХОВОЙ ВЗНОС** с каждых 100 рублей страховой суммы устанавливается в зависимости от профессии страхователя и рода производства, где он работает, в размере от 25 коп. до 1 руб. 20 коп. Страховой взнос при этом уплачивается сразу за весь срок страхования вперед.

● **ДЛЯ БОЛЕЕ** подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договоров обращайтесь в инспекцию или к агенту Госстраха.

● **ИНСПЕКЦИЯ ГОССТРАХА** имеется в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать на дом или по месту работы.

**ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ
ДОГОВОРЫ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ.**

Главное управление
государственного страхования РСФСР